КУБА ОТСТОИТ СВОБОДУ!

ВСЕ, КТО ЧЕСТЕН ДУШОЮ, — НА СТОРОНЕ КУБИНСКОГО НАРОДА, ЗАЩИЩАЮЩЕГО РОДИНУ, РЕВОЛЮЦИЮ, ЖИЗНЬ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 48 (4327) | Четверг, 20 апреля 1961 г. | Цена 4 коп.

МЫ — С ВАМИ!

АССОЦИАЦИИ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ КУБЫ

Дорогие братья! С великим гневом узнали мы о наглом вторжении империалистических наемников на Кубу. В эти грозные дни мы завершаем с вас, дорогие братья и коллеги, — вы не одиноки в вашей священной битве за свободу. Мы — с вами. Мы знаем твердость народа героической Кубы, знаем, что у кубинцев легче отнять жизнь, чем свободу, и твердо верим, что подлые интервенты получат достойный отпор. Верим в вашу победу, ибо знаем, что нет такой силы, которая могла бы сломить народ, ставший на защиту своей свободы.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

РУКИ ПРОЧЬ ОТ КУБЫ!

Организации Объединенных Наций

НЬЮ-ЙОРК

С глубоким возмущением узнали советские писатели о высадке десанта на Кубу. Этот акт прямой агрессии, развязанной северо-американскими империалистами против народа свободной Кубы, наполнил гневом наши сердца. Завоевания освободительной борьбы на Кубе дороги сердцу каждого честного человека. И в дни, когда презренные наемники осмеливаются угрожать кубинскому народу, мы, советские писатели, требуем: руки прочь от Кубы! Мы требуем прекращения агрессии на Кубе во имя мира во всем мире, во имя справедливости и человеколюбия. Героический кубинский народ, сбросивший цепи рабства, не одинок. Его поддерживают народы Латинской Америки и других стран мира.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Рис. Н. Лисогорского

Кому опасна свободная Куба?

Александр ЧАКОВСКИЙ

КУБА в огне. Американцы кубинского происхождения начали вторжение. Презренные отщепенцы рвутся на землю — землю, которую они продали и предали. Вооруженные американскими самолетами, американскими бомбами и американскими автоматами, они хотят отомстить народу Кубы, сбросившему со своей шеи американское ярмо.

Что написано на их нудных знаменах? Да здравствует «Юнайтед фрут компани»? Или — ЭССО? Или — отдайте американцам все, чем они владели?

О, нет! Враги народа не любят правды. Они идут на разбой под лозунгами защиты «свободного мира». Они клянутся именем Свободы, Равенства и Братства — словами, которые вот уже более полутора столетий стали в руках поработителей словами-проститутками, словами-оборотнями.

Изменники считают себя кубинцами. Я помню, как американцы, поливавшие напалмом корейскую землю, именовались «войсками ООН». Но они были американцами. И если среди них и попадались солдаты, одетые не в форму вооруженных сил США, они тоже были американцами: их купила Америка. Она и.. обучила. Она вложила в их руки автоматы. Она снабдила самолетами и бомбами. Она научила их презирать волю народа и сам народ. Вынула из их груди сердце и вложила доллар. Американский бог вылепил по своему образу и подобию фигуру — не просто американца, о, нет! — фигуру, ландскнехта американского империализма.

Я помню воронку на одной из центральных улиц Гаваны. Она медленно заполнялась мутной подпочвенной водой, и оторванная рука ребенка всплывала все выше и выше... С тех пор прошли годы, но почерк американских наемников не изменился. Мир запомнил его. Совсем недавно он проступил снова, этот кровавый почерк, на земле Конго. Он прошелся, этот страшный почерк империализма, по груди благородного Лумумбы. Говорят, опаленная африканским солнцем земля Конго быстро впитывает воду. Да, воду, но не кровь!..

Все очень просто. Просто до наглости, до цинизма. Правители Соединенных Штатов Америки не желают иметь соседом свободный народ. Они сами утверждали, что не хотят такой опасной близости. Они могли бы добавить, что не хотят существования свободного народа нигде, даже если он отделен от Майами многими тысячами миль, как, например, в Конго.

И вот в конце марта 1961 года в Вашингтоне из кубинского отребья создается так называемое временное правительство Кубы во главе с иудой, ныне носящим имя Кардона. Однако до этого еще в течение многих месяцев на территории США, на подвластных американским монополиям вассальных землях формировалась, обучалась и вооружалась организованная многочисленная банда. Перед ней была поставлена задача: вернуть «свободному миру» свободу — свободу грабить кубинскую землю, жрать кубинский сахар, курить кубинские сигары, выкачивать кубинские деньги, назначать кубинских диктаторов.

...В те же самые дни наша страна снаряжала в далекий путь первый космический корабль с человеком на борту, чтобы открыть народам всего мира путь к звездам. Лучшие умы человечества, великие ученые и писатели, художники и философы, простые люди всех континентов посылали слова радости и надежды Советскому Союзу и его первому космонавту Юрию Гагарину. Гудели телеграфные провода. Стало тесно в эфире. Груды поздравлений, подобно снежным лавинам, обрушивались на советские радиостанции, телеграфные и почтовые отделения.

Да, именно в эти самые дни Пентагон готовил в путь свои летательные аппараты. Их путь лежал не в космос... В те часы подвешивались бомбы к американским самолетам. Прокладывались маршруты на штурманских картах. Делилась на квадраты для бомбометания земля Кубы. И еще не умолкли восторженные возгласы людей, верящих в мир и человеческий разум, как раздались взрывы проклятых бомб в жилых кварталах кубинской столицы.

Какое отвратительное предательство! Нет, произнеся это слово мы имеем в виду не только пиратские действия кардоновских изгоев. Речь идет о более крупном, о более гнусном предательстве. Преданы человечество, его вера, его надежды!

Запомните этот день, люди! Это было пятнадцатого апреля, через семьдесят два часа после величайшего торжества мирной науки и человеческого мужества.

Американские самолеты бомбят Кубу. Американские наемники вцепляются в кубинское побережье. Кто знает, сколько воронок сегодня на кубинской земле? Кто знает, сколько трупов кубинских детей — детей, которые тоже мечтали когда-нибудь полететь к звездам, безмолвно колышется ныне в мутной воде? Сколько людей, мечтающих жить на свободной и независимой Кубе, застала на улицах и в постелях перешагнувшая сюда с севера смерть?..

Какое возмутительное предательство! Тем более возмутительное, что оно произошло всего через несколько дней после того, как президент Соединенных Штатов заверил мир, что эта страна не допустит — вы слышите, не допустит! — нападения на Кубу со своей территории.

...Мне не довелось побывать на Кубе. Но я, подобно многим советским людям, встречал десятки посланцев Кубы на московской земле. Это были люди разных профессий — писатели, врачи, юристы. Общественные деятели, представители рабочих, крестьянских, молодежных организаций и просто кубинцы, никогда ранее не представлявшие страну в каких-либо делегациях...

Внешне они походили друг на друга. Знаменитые «кастровские» бороды, одежда полувоенного образца. Казалось, на этих куртках и тяжелых, с толстыми подошвами башмаках еще сохранялась пыль легендарных освободительных походов. И все они, как правило, были очень молоды.

Но не это внешнее сходство имею я сейчас в виду. Мне хочется сказать об ном, внутреннем сходстве, о том, что объединяло души этих кубинцев — души, которые они так доверчиво раскрывали в беседах с советскими друзьями.

Счастье и вера переполняли сердца сынов и дочерей Кубы. Счастье завоеванной свободы, вера в то, что никто и никогда не окажется в силах ее отобрать. Они никому не угрожали, ни на что не посягали. Они были готовы долгими часами говорить о родной Кубе, о планах на будущее, о строительстве новой жизни и о готовности победить, созидая, или умереть, защищая созданное.

В глазах этих людей горел огонь, тот особый огонь, который отличает людей честных, решительных, откровенных, охваченных жаждой созидания.

Гуманизм и благородство этих людей, так же как и замечательный смысл социальных преобразований на Кубе, признавали не только мы, советские люди.

(Окончание на 4-й стр.)

Юлия ДРУНИНА

Родина или смерть!

Пальчики в маникюре гладят щеку нагана:
Такой я тебя видала — юность земли, Гавана.
Мимо трибун проходят шагом солдатским спорым
Хрупкая сеньорита, решительная сеньора.
То молодость революции военным идет парадом.
Не так ли и наши матери с мужьями, с отцами рядом
В двадцатом году шагали гордым голодным городом?..
Барбудос идут, барбудос! — Ветер взвивает бороды.
Шутят, поют трибуны. Сев на скамейку с нами,
Молоденькие министры, смелость, болтают богами —
Юные ветераны, цвет революции Кубы.
Сколько рубцов у каждого под гимнасткой грубой!
Дождика редкие нити в воздухе заблестели,
Хором: «Пла-щом крик-рой-ся!» — люди кричат Фиделю.
Приходятся покориться — его бережет Гавана.
Премьер (он похож на доброго смущенного великана)
Смеется — сверкают зубы — и люди вокруг смеются...
Вот ты какая! — Здравствуй, молодость революции!
...Парад, и цветы, и песни — вчера только было это.
Сегодня военным ветром пахнули листы газеты.
Точка, тире, точка — пульс телеграфа ускорен:
Снова огнем охвачен остров в Карибском море.
Снова на фронт уходят шагом солдатским спорым
Хрупкие сеньориты, решительные сеньоры.
Барбудос идут, барбудос! — Ветер взвивает бороды.
...Брожу по Москве полночной — сегодня не спится городу,
И слушаю, слушаю, слушаю, стиснув до боли зубы:
Гулко, тревожно бьется гордое сердце Кубы.
Это сердце Фиделя грозным гремит набатом!
Кастро, майор Кастро, слава твоим солдатам!
Что-то сжимает горло, гневные слезы льются.
Патрия о муэртэ! Да здравствует революция!

НАКАНУНЕ ЛЕНИНСКИХ ДНЕЙ

В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

В канун праздника 91-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина на Финляндском вокзале в Ленинграде появилась замечательная реликвия — здесь навечно установлен паровоз № 293, на котором в августе 1917 года В. И. Ленин переехал в Финляндию, а затем — в октябре того же года — снова вернулся в революционный Петроград.

Во дворцах культуры, музеях, клубах, библиотеках города проводятся Ленинские чтения. В их программе — лекции и доклады, посвященные ленинской годовщине. «Они встречались с Ильичем» — такой была тема вечера, состоявшегося на днях в Музее истории города. Воспоминаниями об Ильиче поделились старые коммунисты Ф. Матвеев (член партии с 1910 года), К. Аршавский (член партии с 1914 года), П. Ефимов (член партии с 1919 года). На Ленинском чтении, проведенном в Доме работников искусств имени К. С. Станиславского, выступил народный артист СССР В. Чистяков, рассказавший о своей работе над образом В. И. Ленина.

Ленинские чтения состоялись также в Музее Великой Октябрьской социалистической революции, домах культуры, высших учебных заведениях города.

В Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина открылась большая книжно-иллюстративная выставка «В. И. Ленин — великий вождь коммунизма». Ее основной раздел — «В. И. Ленин о строительстве коммунистического общества».

22 апреля в Доме писателя имени В. В. Маяковского состоится большой ленинский вечер.

А. ПОЛОВНИКОВ

ЛЕНИНГРАД (По телефону)

«НАРОДНЫЙ ПОДАРОК ЛЕНИНУ»

Страна готовится отметить 91-ю годовщину со дня рождения великого организатора и вождя Коммунистической партии и Советского Государства, любимого учителя и друга трудящихся всего мира В. И. Ленина. На предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, учебных заведениях в эти дни проходят ленинские чтения, проводятся доклады, лекции, беседы о жизни и революционной деятельности великого вождя, о торжестве идей марксизма-ленинизма, открыты книжно-иллюстративные выставки.

Издательство социально-экономической литературы к 91-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича выпустило книгу «Народный подарок Ленину». На основе важнейших материалов и воспоминаний современников в ней рассказывается о событиях, имевших место весной 1920 года, когда трудящиеся молодой Советской республики отмечали 50-летие В. И. Ленина. В те дни рабочие и крестьяне Самарской губернии, красноармейцы и бедняки Туркестана собрали 29 вагонов хлеба и отправили в Москву. В книге рассказывается о теплом, сердечном приеме Владимиром Ильичем 23 апреля 1920 года людей, сопровождавших этот поезд.

На родине Ильича газета «Ульяновская правда» напечатала девять телеграмм рабочих, крестьян, красноармейцев Симбирской губернии, адресованных В. И. Ленину. Они хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и относятся к периоду сентябрь 1918 года — декабрь 1922 года. Два документа вошли в сборник «Письма трудящихся В. И. Ленину». Остальные семь публикуются впервые.

К 91-й годовщине со дня рождения великого вождя в комнате-музее В. И. Ленина в Казанском университете представлены литература и учебники, которые изучали студенты первого семестра, когда учился юный В. Ульянов.

СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ...

В ноябре 1923 года крестьяне села Мармуляевка, находящегося почти на границе Киевской и Винницкой областей, избрали Владимира Ильича Ленина почетным председателем сельского Совета. И сейчас, готовясь отметить годовщину со дня рождения великого вождя трудящихся, колхозники решили провести у себя теоретическую конференцию на тему: «В. И. Ленин — великий друг украинского народа».

Конференция прошла очень интересно. Сначала был заслушан доклад старшего научного сотрудника киевского филиала Центрального музея В. И. Ленина А. Зингляиса. Потом на трибуну поднялся Степан Степанович Чопивский, который в памятном 1923 году был избран заместителем председателя сельсовета. Он рассказал о героической борьбе крестьян под руководством партии за установление Советской власти на Киевщине, вспоминал, как односельчане избирали Владимира Ильича почетным председателем своего Совета.

Председатель правления колхоза «Коммунист» П. Покропивный, доярка М. Слободянюк, звеньевая М. Дьячук, директор школы Н. Опанасенко говорили об огромных переменах, происшедших в жизни села за годы Советской власти. С интересом встретили участники конференции выступления украинских поэтов Андрея Малышко, Любомира Дмитерко, Ивана Неходы, Петра Дорошко, прочитавших свои новые стихи о Ленине.

В работе конференции приняли участие секретарь Киевского обкома Коммунистической партии Украины Г. Шевель.

Н. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ. (По телефону)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ МАРКОВА Г. М. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и отмечая заслуги в развитии советской литературы, наградить писателя **Маркова** Георгия Мокеевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 18 апреля 1961 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ДРАМАТУРГА ДЬЯКОНОВА Н. М. ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

За заслуги в развитии советского театрального искусства, в связи с пятидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием творческой деятельности наградить драматурга **Дьяконова** Николая Михайловича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 19 апреля 1961 г.

ПОКОЛЕНИЕ НАСТОЯЩИХ

К. ЛАПИН

О Юрии Гагарине, пилоте-космонавте номер один, чей подвиг уже навечно вписан в историю человечества, очевидно, создадут книги, его бюсты украсят города. Пока же пишутся только первые торопливые строчки его биографии, и пишут их самые быстрые перья — перья журналистов. Так, корреспондент газеты «Известия», беседуя с героем вскоре после его благополучного приземления, записал следующее высказывание Юрия Гагарина:

— Мой самый яркий литературный герой, полюбившийся с детства, это герой книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке».

На минуту внимание задерживается на словах: «полюбившийся с детства». А ведь летчик Маресьев, прообраз литературного героя, — я сам еще не старый человек. По Юре Гагарину было всего семь лет, только семь лет, когда началась Отечественная война, когда Алексей Маресьев поднял в воздух истребитель на перехват вражеского самолета.

Кто знает, как человек выбирает профессию и что влияет на этот выбор. Хорошая книга, кинофильм, живой пример? Для Юрия Гагарина с детских лет таким примером стал Алексей Маресьев. Дожив до 27 лет, он так и не встретился с Маресьевым. Но то, что это — живой человек, реальный герой, которому можно подражать, не вызывало в нем сомнения. И вот буквально на днях миллионы телезрителей стали очевидцами этой встречи первого космонавта Героя Советского Союза Юрия Гагарина с Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым.

...Некий американский журналист, выразив писателю Полевому свое восхищение образом Маресьева, заявил, что его герой — уникум, одиночка, больше-де таких не может быть. Меж тем людей маресьевского, корчагинского склада характера, людей стальной воли и выдержки, у нас тысячи тысяч. Природа советского героизма — в его массовости.

Благодаря бесчисленным подвигам героев революции и Отечественной войны, благодаря ежедневному подвигу героев битв семилетки стали возможны наши нынешние космические достижения — об этом говорил в своей речи с трибуны Мавзолея чемпионат Героя Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев.

Жажда подвига, наверное, заложена в крови советских людей. Героизм наши люди впитывают с молоком матери.

У меня, как и у каждого советского литератора, есть свои, так сказать, «подшефные» герои. О них я писал, за их жизнью слежу дольше.

В эти волнительные дни, когда у всех на устах имя Гагарина, мне позвонил Герой Советского Союза Захар Сорокин, чтобы уточнить адрес первого космонавта. Он хочет послать ему свою новую книжку.

— Пусть знает, что старая гвардия еще не отлетала.

Не знаю, известно ли Гагарину имя его старшего брата по оружию, северо-морского аса, «полярного Маресьева», как зовут Сорокина. Мне пришлось несколько лет назад писать о нем в «Литературной газете».

В октябре сорок первого года, сбив вражеский «мессер», Сорокин был сам подбит. Он умудрился посадить непослушную машину на лед озера. На земле герою пришлось выдержать рукопашную схватку с гитлеровским летчиком, опустившимся до него. Раненный в ногу осколком, с рассеченным финкой лицом, Захар Сорокин пять суток шел к своим. И дошел. Но отмороженные ступни ног пришлось ампутировать.

Не сразу Сорокин добился возвращения на самолет с управлением, переделанным на ручное. «Заново» выучившись летать, он продолжал летать, довел счет сбитых самолетов до восемнадцати, стал Героем Советского Союза.

После победы Захар Сорокин перешел в гражданскую авиацию, но летать недолго: не позволило состояние здоровья. Однако Сорокин «не отлетался», он продолжает вести работу агитатора-пропагандиста, по настоянию жены сел за свои воспоминания. Первая его книга так и называлась: «Нет, не отлетался!». Вторая книжка — «В небе Заполярья» — была посвящена подвигам боевых друзей.

(Окончание на 4-й стр.)

Это произошло в Москве 18 апреля 1961 года. Услышав по радио весть о подлом нападении империалистических наемников на свободную Кубу, рабочие, служащие, студенты столицы пришли к зданию кубинского посольства, чтобы выразить свою любовь к борющемуся народу Кубы.
— «Мы ваши друзья!» — провозглашали демонстранты.

Фото А. Лидова

АГРЕССОРОВ ЖДЕТ НЕМИНУЕМЫЙ ПРОВАЛ

НА КРАЙНЕМ юге нашей страны, в мургабской долине, воздевываются драгоценные тонковолокнистые сорта хлопчатника. Здесь давно в разгаре весна. Как и все оазисы Туркмении, расположенные у колодцев в речке, стекающих с гор, мургабская долина окружена вековечной пустыней, Каракумы! Они «славятся» жарой, суховеем, смерчами. Однако и хороших земель сколько угодно. Обилие тепла, плодородная почва и — постоянная угроза засухи!

Советский человек исправляет несправедливости природы, отвоевывает у пустыни все новые пространства. Искусственная река — Каракумский канал длиною 540 километров — стала великолепным подспорьем хлопководам, кукурузоводам, виноградарям и садоводам. Прекрасный оазис, сотворенный людьми!

На бескрайней глади пустыни сейчас, в апреле, бороздки да межевые гребни придают равнине волнистый характер, а через месяц заволнуются под солнцем пустые рядки зеленых кустов. Море хлопчатника и кукурузы, виноградники в пустыне, где недавно гуляли лишь дикие песчаные смерчи, — это и есть наша южная каракумская целина.

Нынешней весной уже немалый клин добротных целинных такыров обеспечен искусственным орошением и распахан под хлопчатник. Это идет в счет тех миллионов гектаров экономически выгодных площадей, о которых Никита Сергеевич Хрущев столь убедительно говорил на январском Пленуме.

ФАКЕЛЫ РАЗУМА

И. ЗАБЕЛИН

Год 1959 вошел в историю как год Луны, в всем памятны три великих свершения: первая советская космическая ракета, в морозную зимнюю ночь упущенная в сторону Луны и начавшая вечный путь вокруг Солнца; вторая советская космическая ракета, прилунившаяся в районе «морей» Ясности и Спокойствия; наконец, автоматическая межпланетная станция, сфотографировавшая обратную сторону Луны...

Год 1960 вошел в историю как год Африки — еще чуть ли не треть Африки покончила с колониализмом за его двенадцать месяцев...

В прошлом году мне довелось побывать в одном из молодых африканских государств — в Гвинейской Республике. Представьте себе маленький городок километрах в трехстах от побережья, он застроен плосковерхими домиками и круглыми хижинами под тростниковыми крышами. Вокруг — плоские горы Фута-Джалона. Ночь. На невидимых склонах — груды алых углей: это горит саванна. Большая Медведица — у самой земли и перевернута: если провести традиционную прямую через две крайние звезды, линия упрется в ту точку горизонта, за которой уже исчезла Полярная звезда... И в этом крохотном городке Лабе гвинейские пионеры-лицеисты из народа фульбе настойчиво расспрашивали нас, что увидели советские люди на обратной стороне Луны. Они называли межпланетную станцию «спутник», а глаза их пылали тем же восторженным огнем, что у всех ребят мира, мечтающих о космических странствиях... В той же Гвинее, в Конакри, шоферы такси, дежурившие у отеля, узнав, что мы русские, приветствовали нас словом «спутник», и звучало это естественно и просто, как «доброго утра» или «счастливого пути»... В этом факте можно было бы усмотреть еще одно подтверждение всемирной славы советской науки. Но я подумал тогда и думаю сейчас, что, если бы гвинейцы не обнаружили в событии, связанном со словом «спутник», нечто дорогое, близкое для себя, они не вернули бы нам, русским, наше слово в форме доброго приветствия...

1961 год останется в истории, как год выхода человека в космос. Мы давно ждали этого, и это случилось.

Свершилось великое, свершилось почти фантастическое!.. Наверное, наступит такое время, когда ученые научатся заранее точно предсказывать все, в том числе и психологические, моральные последствия тех или иных достижений в области науки или техники. А пока лишь постепенно раскрывается нам глубокое и разностороннее влияние начавшегося вторжения в космос на нашу мораль, на духовный мир современного человека, и, право же, мы еще просто не в силах предугадать, какой след оставит новое эпохальное событие в умах и душах людей... И все-таки именно об этом хочется сейчас думать.

Вероятно, я не был одинок в своих ощущениях, но мне всякий раз казалось, что полет очередного космического корабля — это не просто полет машины, созданной замечательными мастерами; мне казалось, что ракеты выносят в космос факелы разума, зажженные в нашей стране — в стране Ленина, в стране, прокладывающей путь в коммунизм, — и при свете этих факелов, проникающем во все уголки земного шара, особенно настойчиво думалось о нерешенных политических и моральных проблемах века, о трагических судьбах многих народов, о темных пережитках прошлого, мешающих людям спокойно жить на Земле...

Немыслимо любить свою страну и не гордиться ее успехами, но очень приятно, радостно было чувствовать за рубежом, что в самых различных странах начавшийся в нашей стране штурм Вселенной был воспринят как дело всего человечества, к которому причастен каждый, независимо от того, где он живет и на каком языке говорит. Спутники не только восхищали и окрыляли людей, — они объединили их. Полет космических кораблей словно заново открыл, обнажил ту очевидную истину, что перед лицом мироздания мы, люди, едины, что все мы, без различия рас, национальностей, языков, убеждений, — человечество, противостоящее стихиям Вселенной...

И вот еще одно свершение — человек в космосе! Во всех уголках Земли, на всех ее неисчислимых языках звучит сейчас это слово — человек! Несхожи сочетания звуков, по-разному, наверное, представляют себе внешний облик нашего астронавта малайцы и эскимосы, зулусы и мексиканцы, но я убежден, что и черные, и желтые, и белые народы наделяют его своими лучшими качествами, и все с одинаковой гордостью осознают себя современниками, братьями советского человека, шагнувшего в космос!

С запуском советских космических кораблей человечество получило новый, чрезвычайно яркий и убедительный моральный критерий для оценки людских поступков и помыслов. Наши искусственные спутники и межпланетные станции, наш астронавт, совершивший замечательный полет, служат не только научному прогрессу, но и ведут энергичную борьбу с пережитками хищной средневековой морали, активизируют борьбу за утверждение новой морали, соответствующей достижениям людского разума, эре выхода в космос... Они утверждают прежде всего величие человека, величие раскрепощенного духа и мысли, а не корон или титулов, монументов или регалий: оные просто не видны при свете космических факелов...

История помнит множество каст и классов, неисчислимое количество форм подчинения одному властителю многих людей, и история долгое время обращала преимущественное внимание на тех, кто угнетал и правил... А ныне с особой остротой и взволнованностью думается о простом человеке, о человеческой сущности, о нас, людях, как явлении мирового порядка, как о категории философской... Наконец, наши космические корабли и спутники произносят окончательный приговор над всеми формами разрушения.

Три с половиной года великолепное русское слово «спутник» сияет для человечества своей, быть может, самой яркой гранью: оно напоминает, что всем народам — и малым и большим — суждено вместе творить свою историю, и, стало быть, надо творить ее разумно. Так творить, чтобы высокое земное звание — Человек! — всегда и для всех звучало гордо, как звучит оно сегодня, после изумительного подвига советского человека.

Георгий РАДОВ

ВИТАЛИЙ СТЕПАНОВ И ЕГО ЗАПИСКИ

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» опубликовала девять глав из записок комсорга целинного совхоза Виталия Степанова «Под ветрами степными».

Что такое эти записки? Мемуары? Деловой рассказ об опыте комсомольской работы?

На мой взгляд (я читал рукопись полностью), записки эти — один из самых правдивых художественных очерков о молодежи на целине.

Но сперва об авторе, потому что он, Виталий Андреевич Степанов, ведя рассказ от первого лица, так затушевал это самое «первое лицо», так тщательно упрятал его в тень, что читателю порой может показаться, будто рассказ ведет наблюдатель, так сказать, летописец совхозной жизни, хотя в действительности он, Степанов, был вовсе не летописцем, а главным заводилой и застрельщиком...

В алтайский совхоз «Краснодарский» я впервые попал летом 1956 года, ровно за год до приезда туда Степанова. Но уже тогда чувствовалось, что он, а точнее такой, как он, человек, непременно должен там появиться, а вернее, что нужен он там до зарезу.

Летом в совхоз явилось семнадцать десятиклассников из Туроченской средней школы. Ребята расположились в палатке на окраине поселка, зажгли коммунной, поначалу жгли костры, пекли картошку, и все это выглядело очень трогательно. И все-таки с тревогой думалось: ну, а что завтра? Что завтра, когда настанет пора укрепляться на земле напрочно, выбирать профессию на всю жизнь, заводить семью, — что же тогда будет с ними, семнадцатью мальчиками и девочками?

Правда, внешне все началось хорошо. Не успели ребята набить первые мозоли, как о них уже заговорили и в газетах, и по радио, и уже появились их фотографии в журнале, словом, они стали «модой дня», а когда они не так уж, скажем, геройски поработали на первой уборке, их всех — всех семнадцать! — наградили орденами...

И вот тогда-то директор Владимир Макарович Савчинский затосковал.

— Ох, как же нужен им воспитатель! — жаловался опытный армейский политработник, но горло занятый делами хозяйства. — Понимаешь, как нужен воспитатель? Нет, не малограмотный комсомольский секретарь, как у нас, и не молодой чиновник-сводчик, а чуткий, умный, деликатный наставник и притом образованный — у них же у самих среднее образование. Где взять такого?

Господи! Сколько раз, странствуя по Сибири, слышал я эти слова: «где взять наставника?» Тысячи юношей и девушек отправлялись на стройки и на целину. Они ехали туда с аттестатами зрелости, но, ей-же-ей, справедливее б было назвать эти бумаги аттестатами юности! Ребята-то в общем были зеленые! И как же мало заботились те, кто посылал их на восток, о наставниках — не по должности, а по смыслу: о старших, умных, чутких и образованных людях, которые стали бы не начальниками над молодежью, а именно воспитателями при ней.

Никогда не забуду, как страпуха на строительстве Красноярской ГЭС, возле палаток на берегу Енисея, с горечью сетовала:

— Ты гляди, ты гляди-ко, что сделали! Наслали-то их, молодых, вон сколько! В палатках расселили и девчат десятиклассниц, и тут же рядышком парней, демобилизованных из армии, а природа-то тут, гляди, вон какая! Черемуха кругом! А человека-то поставце при них, при девчонках, нету... Что я им за учительница, когда они в сто раз грамотнее меня? Сколько тут жизней разобьется, сколько хорошего растопчется, пока они повзрослеют?..

Понятно, она рассматривала вопрос только в своем, женском ракурсе, но сколь основательной была ее тревога! Ведь именно о работе с молодежью на этой стройке потом было принято строгое и резкое решение ЦК комсомола.

А если б вовремя подумать о воспитателе?!

Так вот, если говорить о практических выводах, которые следовало бы сделать из записок Степанова, то надо с каждой группой молодежи, отправляющейся на стройки и на целину, посылать воспитателя! Не из их среды, а поставше, поопытнее, с широким — не не будем скупиться! — университетским образованием, с врожденным педагогическим талантом и любовью к людям. Новостройки-то — это не заводы! На заводе парни и девушки попадают в закаленный коллектив, и он берет их в свои добрые руки. А на новостройках и в новых совхозах? Там же коллективы только формируются, и всякое в них бывает... Так как же важно, чтобы был рядом с молодежью человек, способный научить ее жить, отличать зерна от шелухи.

Но вернемся к Степанову... Он явился в совхоз в 1957 году, и не один, а с целым классом выпускников, и в то же время приехал еще класс, «младших туроченков», — словом, на руках у Степанова, которого избрали комсоргом, оказалось сразу три класса, почти девяносто юношей и девушек со средним образованием...

В аннотации, которую предпослала запискам газета, сказу говорится, что Степанов в 1954 году окончил Ленинградский университет, три года работал учителем Усть-Пристанской школы, а в 1957 году уехал в целинный совхоз. За этими строчками по крайней мере два всем ясных подвига, по самоотверженных человеческих поступка, Степанова-то не посылали на Алтай, его могли оставить в аспирантуре, благо были у него уже и жена, и ребенок, и, кстати, жилплощадь в Ленинграде. Но он уехал в Сибирь...

Правда, Усть-Пристань оказалась не бог весть каким захолустьем. Это районный центр, и притом живописнейший. Расположен он у слияния Оби и Чарыша, весь в зелени. Много интеллигенции. Степановы хорошо устроились, оба работали в школе, обзавелись жильем, хозяйством и вдруг... совхоз в абсолютно голой степи. И вдруг снизилась доходная часть семейного бюджета. И жене нет работы по специальности. И холодная комната в «сборно-щелевом» доме. И ресторанные цены в плохой столовой. И под рукой ни рынка, ни магазинов (заметим, что рабочие совхоза держали и коров, и свиней, и кур и этим жили).

Зачем же он пошел на это? Долг? Но ведь его не понуждали ехать в совхоз. Хотел напнсать книгу? Да, хотел, но мечта эта была еще столь туманной, что Степановы ее не принимали в расчет. Так почему же?

Не раз бывая в совхозе за эти годы, видя Степанова в делах, слушая, как говорит он с юношами и девушками и как потом говорит о них, я догадывался об этом, а теперь, прочтя его записки, окончательно убедился: да, этого человека позвали в совхоз прирожденная страсть воспитателя и, можно сказать, художнический интерес к юным душам.

Прочтите записки, и вы не встретите в них отрицательных персонажей. Нет примелькавшихся нам в скороспелых повестях о молодежи стиляг, нигилистов и нытиков, с которыми — как с главным злом! — воюют «положительные» мальчики и девочки. Почему этого нет у Степанова? Да другое же его волновало! Стиляги — зло, которое лежит на поверхности и, кстати, не такое уж распространенное зло, — с ним хорошему коллективу воевать легче. А вот...

Так и Макаренко видел молодежь: не делил ее по-чиновничьи на «положительное» и «отрицательное». Он видел каждый характер во всей его сложности. И Степанову попались не плохие, не хорошие, а именно сложные трудные и, подчеркнем, разные характеры. И он, как художник, расщеплял их, эти характеры, а как воспитатель — выпрямлял их, пестует, доводит «до кондиции».

Вот он, Женя Рябов, — и знаю этого хлопца, — принципиальный, прямолинейный, порывистый. Женя, который мог запросто попасть в институт, а пошел в пастухи. Женя, который по весенней грязи, через взбурлившие речки добирался до райкома, чтобы потребовать — да, потребовать — навести порядок на ферме... И тот же Женя, чья «персональные» дела дважды обсуждали комсомольцы, потому что тогда не умел этот парень сдерживать свои порывы... Сложный характер? Он-то и увлекает Степанова: Женя из записок — это полнокровный характер, вобравший в себя черты этого реального, славного парня.

Юлька Четвертаков... «Морячок», — с ним то и дело случались всякие несообразности, — Степанов пишет о нем с усмешкой (кстати, юмор окрашивает все записки), но из подтекста угадываешь, что автор влюблен и в этого парня.

Да, это очень добрые, не сентиментальные, а именно добрые очерки. Они как бы говорят: ищите в людях хорошее, вылущивайте его, будьте тонкими и умными в оценке каждого человека.

Мы видим Владимира Макаровича — директора совхоза, — я тоже знаю его и примечаю, что Степанов не щадит этого интересненького хозяйственника. Если хотите, он «положительный директор», но ведь не схема же, а человек! Он и шумлив порой, и суетлив, и кричлен. Но это же чистейшая душа, бескорыстнейший труженик, как и Степанов, влюбленный в людей.

Владька Суртаев... Два года тому назад мы со Степановым от души смеялись, замечая, как в нем, этом симпатичнейшем двадцатилетнем пареньке, рождается прижимистый хозяин. Суртаева назначили бригадиром, вручили хозяйство огромное. И вот в нем сразу же заговорил «местник» — не захотел парень послать трактор к соседям. Степанов всю дорогу спорил, вспоминая изделался над его скопидомством, а Владька багровел, молчал, а то и огрызался, но затем, что называется, скрепя сердце, отдал трактор, а потом и вовсе переболел этой далеко не детской болезнью...

Вот заканчивает Степанов одну из глав своих записок рассказом о Феде Романовиче, в котором «прежде... не видел ничего особенного, но без которого многго могло не быть уже на свете». В страшную пургу отправился восемнадцатилетний парнишка выручать застрявшие с углем машины и... «на его лице намерзла ледяная короста, остались одни слезящиеся бешеные глаза. Он делал сумасшедшие виражи на своем тракторе, цепляя сразу по три машины, оттаскивал их в деревушку и на полной скорости возвращался и разворачивался перед следующими, занесенными уже снегом, с обессилевшими шоферами, которые были не в состоянии выйти из кабины. Он сам цеплял трос, прижимался лицом к стеклу кабины и старался улыбнуться обледеневшим липом шоферу.

Очень трудно об этом рассказать. Просто все это остается в сердце, остается радостью, что так много кругом хороших людей, с которыми можно сделать все...»

Степанов написал честные очерки. Он ничего не скрывает: ни того, как трудно мужают характеры, ни того, как не все удавалось, что должно было удаваться на целине.

Уходит под снег неубранный урожай 1957 года. «Будто в тумане таяли очертания комбайнов. Вот они еще виднеются темными движущимися пятнами, но, спустя мгновение их скрывает белая, бесшумно несущаяся мимо снежная мгла.

Люди долго не хотели верить в поражение, но им пришлось отступить.

До конца дней своих, садясь за стол, я буду вспоминать хлеб, который мы добывали тогда коченеющими руками».

Беспощадный к себе, говорит он о трудностях, которых можно было избежать. «Мне... нестерпимо стыдно перед ним за все это — холодное общежитие, дорогую рабкоповскую столовую, паршивую баню, в которой всегда не хватает воды.

Если здесь, в голой степи, сумели за два года поставить поселок, разве нельзя было уже сделать, чтобы люди не мерзли в общежитии и не морочили себе голову со своими двумя кухнями? Все можно было уже сделать. Просто очерствели, просто привыкли к тому, что люди удивительно стойки и незлопамятны, и заставляем их переносить то, чего уже давно не должно быть».

Лишь об одном жалеешь: Степанов не смог сказать всего, что он мог сказать! Вот она, беда документальной прозы! Писатель имеет дело с людьми живыми, здравствующими, называет их подлинными именами, — как же рассказать о них все? Как, не травмируя их, не обижая, вспомнить то, что уже ими пережито, перечеркнуто, позабыто? Явно из чувства такта и деликатности Степанов опустил многие драматичнейшие, в том числе и сердечные истории в которых, кстати, наиболее полно проявился его дар воспитателя. Кое-где сочная живопись заменена акварелью. Что поделаешь? Документальность... А может, лучше для правды и для читателей было сменить имена и адрес совхоза?!

И несколько пожеланий...

Надо срочно издать эти записки массовым тиражом, они нужны широкому читателю.

Думается, что Степанову следует продолжать записки и несколько «озрослить» их. Выросли его герои, да и он сам третий год секретарствует уже не в комитете комсомола, а в парткоме совхоза, имеет дело со всем комплексом и целинных, и человечьих проблем. Есть что сказать...

И вот еще о чем. Недавно по командировке одной редакции два молодых московских поэта, пропагандировавших поэзию по дорожке, детский сад — школа — интернат, — съездили в первую свою командировку на целину и вернулись окончательно перепуганными — так много увидели недостатков.

— Мы честные люди, мы не можем писать розовой краской, — гордо сказали эти поэты и отложили перья.

А вот Виталий Степанов живет на целине, видит в тысячу раз больше недостатков, воюет с ними и написал искреннюю и правдивую, но на редкость оптимистичную книгу. Почему? Да потому, что он увидел не только факты жизни, а тенденцию ее развития, потому, что он увидел во всех людях не только дурное, что всегда на поверхну и видно за сто верст, а увидел хорошее, то, что видится не с порога, что надо порой вылущивать. Так не кажется ли молодым людям, вступающим в литературу, что оптимизм — качество чрезвычайно действенное — приобретается не на вечерах модных поэтов и не в тиражных командировках, а в самой жизни, в борьбе, он рождается, когда сам художник одолевает крутые подъемы?

И, наконец, небольшая справка, так сказать, об итогах воспитательной деятельности Виталия Степанова. Ни что на земле не сделало, чтобы люди не мерзли в общежитии и не морочили себе голову со своими двумя кухнями? Все можно было уже сделать. Просто очерствели, просто привыкли к тому, что люди удивительно стойки и незлопамятны, и заставляем их переносить то, чего уже давно не должно быть».

Именно за счет вновь осваиваемой целины увеличиваются площади многих сельскохозяйственных артелей Марыйской области. Область взяла обязательство дать в 1961 году 200 тысяч тонн хлопка преимущественно советских тонковолокнистых сортов.

Пять новых совхозов сейчас ведут сев на берегу искусственной реки. Один из них так и называется «Каракум-канал».

Механизировать все полевые работы, получать высокие урожаи дешевого хлопка — такие задачи решают ныне целинники-каракумцы. С утра до наступления полной темноты слышится на полях рокот тракторов. В авангарде колонны трактористов — Карьяргы Пашнев, чья ежедневная норма в полтора-два раза превышает норму обычную.

Солнечный край завершает посевную. Хлопководы-целинники закладывают надежный фундамент урожая 1961 года.

ЭПОПЕЯ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

О романах М. Стельмаха

Вл. БАСКАКОВ

«ИСПОКОН ВЕКА через сено Медвин пролегает лебединый путь.

Когда запахнет талой землей и березовым соком, птицы колышут мягкую солнечную пряжу, приносят на праздничных крыльях влажное еще с мохнатым туманцем тепло. Бывало, что лебеди садились неподалеку от села на полную воду, близко подпускали к себе детей и взрослых. Потом птицы, отряхивая живые капельки, стремительно подымались ввысь, а человек, роняя пот, склонялся в грудке к самой земле; но и ему еще долго-долго мерещились омытые солнцем вестники тепла, что на крыльях принесли весну и отголосок смутных надежд».

В этом лирическом отступлении, зачинающем одну из глав романа «Хлеб и соль», не трудно увидеть своеобычный почерк Михаила Стельмаха, любящего поэтичений, наполненный большим философским смыслом образ для изображения времени и человека, что в всех романах «Хлеб и соль», «Кровь людская — не водица», «Большая родня» писатель талантливо запечатлел, как недавно еще забытые, запутавшиеся в тенетах религиозной морали люди, «труженики и мученики земли» становились борцами за свои права, обретали силы в огне революции, строили новый мир, вдохновленные и поднятые ленинской партией коммунистов.

События, происшедшие в украинском селе в начале нашего века, острые классовые битвы первых лет Советской власти, годы коллективизации и, наконец, испытания минувшей войны — вот тематические масштабы трех романов Михаила Стельмаха, выросших в эпопею жизни украинского крестьянства за полстолетия. Каждый из трех романов, так различных и по своей структуре, и по материалу, взятому художником, посвящен переломным моментам в судьбах украинского крестьянства.

И если роман-хроника «Большая родня» охватывает события двух десятилетий, а «Хлеб и соль» как бы — цепь новелл, раскрывающих характер разных социальных групп в грозовую пору пятого года, то главные сюжетные узлы романа «Кровь людская — не вода» завязываются в течение суток и действие романа сосредоточено вокруг одного центрального события — раздела земли. Однако все эти произведения писателя объединяет одно — в каждой книге им глубоко отражены сложные проблемы жизни, политики, народной психологии. Художник говорит о цене человеческого счастья, об ответственности человека за судьбу своего народа, стремится раскрыть богатство душ тех людей, которые не остались в стороне от борьбы за высокие идеалы человечества.

В центральном, да и, пожалуй, лучшем романе этой эпопеи М. Стельмаха — в романе «Кровь людская — не водица» — есть удивительное по своей глубине рассуждение о самой сути жизни человеческой, о крови, что течет в наших жилах: «чай, она не безродная водица — ты бывает и на облачке, и на травке, и в озере, и в колодце, а кровь есть только на земле, она — жизнь отцов и детей, нежный девичий румянец и смелый блеск юношеских глаз, она подвиг воина и нежная улыбка ребенка». О том, какой дорогой ценой платили лучшие сыны и дочери народа за счастье грядущих поколений, за наше счастье, рассказывает писатель. И не только об этом. Всем образным строем своих романов он как бы говорит: жизнь человека — драгоценность, но чтобы человек мог называть себя человеком, он должен бороться за народное счастье, ибо «земля не может жить без солнца, а человек без счастья». И к этому счастью жадно тянутся люди, в борьбе за святую долю льется кровь, святая кровь. Падают сраженные пулями карателей забастовщики из экономии пана Станицкого. Разгибает спину обездоленный крестьянин Марьян Полярыш, почуявший «отголосок смутных надежд». Принимает мученическую смерть первый председатель земельной комиссии комбеда Василь Пидопригора. Теряет частицу своего сердца — маленьких детей, убитых озверелым кулаком, — коммунист Свирид Мирошниченко, смелый боец за Советскую власть. Сраженный пулей петлюровского наймита, украинский хлеборов Тимофий Горицвит в последний миг своей жизни думает о земле, что делил он своими руками между крестьянами-бедняками. А через десятилетия его сын Дмитро будет строить колхозы, пойдет в партизанский отряд, чтобы сражаться с фашистскими захватчиками за эту политую кровью отцов землю, ставшую общей, коллективной.

В СТЕЛЬМАХ пристально всматривается в характер нового человека, рожденного великой бурей. Революционная борьба за коммунистические идеалы — это не только тема его произведений, это душа, существо книг М. Стельмаха, ибо писатель раскрывает становление новых отношений, новой морали, новых мыслей.

Читая романы Михаила Стельмаха, вдумываясь в их образную структуру, ясно ощущаешь мастерство, с каким писателю удается проследить и изобразить рост самосознания людей труда, светлый мир их чувств и стремлений. Хлеборой из села Медвин, гнущий спину на панской экономии, мечтает о времени, когда дадут ему «на стол добрый, как солнце, хлеб, любимую работу в руки, да любовь в сердце — и он не понурой тенью, а полубогом пойдет по земле». Но не даются ему «хлеб и любимая работа». Только в снах своих видит он землю, распаханную для счастья людей. А назвр земля — в холеных руках пана да в цуловатых пальцах жадного кулака.

Чтобы человек пошел по земле «с радостью в сердце», и трудятся люди, подобные Свириду Мирошниченко и Тимофию Горицвиту, герои другого романа — «Кровь людская — не водица». Образ коммуниста Мирошниченко — это большая удача художника: он предстает перед нами как человек, знающий слова, близкие сердцу «тружеников и мучеников земли», видящий сквозь черноземную заскорузлость вчерашних батраков, идольщиков или «хозяев» пятиченных, лоскутное земли светлую душу людей, жаждущих новой жизни.

В сердце Свирида Мирошниченко нет жалости к тем, кто идет против народа, но он упорно борется за душу крестьянина, хочет разобраться в судьбе каждого труженика, заставить его понять, что мир не кончается на «своей» десятине.

И потому так радуется Мирошниченко, когда видит, как простой крестьянин Тимофий Горицвит, не страшась кулацкой злобы, твердо, без страха берется за опасную и ответственную работу председателя земельной комиссии комбеда. Не все решается на такой смелый шаг, еще силен страх перед петлюровской агентурой, перед старым миром — «буря и дубы в щепки разносит, а травку только к земле пригибает»...

В двух романах Михайлу Стельмаху удалось показать, как жажда человеческого счастья ведет людей по разным дорогам и тропам. Иные на этих дорог — неверные, вбок, в закоулок. Кажется, вот оно, прямо в руки твои идет счастье. — а оказывается, это всего лишь жалкая подачка с гучного барского стола или хитрый посул «брата по нации», готового использовать твои сильные руки в своих корыстных целях.

И это с особой силой показано в образе Данилы Пидопригоры — сына

В ГОСТЯХ У МОСКВИЧЕЙ

В Москву приехала большая группа писателей Краснодарского края, чтобы провести литературные встречи с москвичами, обсудить с товарищами по перу свои произведения. Среди гостей — В. Бакалдин, И. Беляков, И. Варавва, К. Кляйменов, С. Хохлов, В. Попов, Б. Тихомолов и другие. Это — первый приезд писателей-кубанцев в столицу.

Уже состоялись встречи гостей с читателями в Доме офицеров Московского округа ПВО, на заводе имени Лихачева. Сегодня в Союзе писателей РСФСР начинается обсуждение литературного альманаха «Кубань».

50-летие Георгия Маркова

В день пятидесятилетия Георгия Маркова правление Союза писателей СССР направило юбиляру приветственное письмо, горяче и сердечно поздравив широко известного русского писателя, одного из талантливых художников слова и активных организаторов литературного движения в стране.

«Вы, — говорится в приветствии, — с честью представляете славное поколение советских писателей, с юности своим трудом участвовавших в социалистическом преобразовании Родины и ставших вдохновенными певцами ее побед...

Все свое творчество посвятили Вы нашей чудесной, могучей Сибири и сумели сказать новое слово в художественной разработке истории и современной действительности этого замечательного края. В сознание широких читательских масс сразу же вошел Ваш большой роман «Строговы», ярко и с эпическим размахом рассказавший о сибирском крестьянстве, его участии в революции и о социалистической перестройке сибирской деревни в советские годы. Мужество бесстрашных сибиряков—солдат, громивших японских империалистов, выразительно раскрыли Вы в повести «Солдат пехоты», волнующе показали мирный послевоенный труд своих земляков в книге рассказов «Письмо в Мареевку».

Щедрым вкладом в нашу литературу явился Ваш новый роман «Соль земли», рисующий нынешний этап социалистического освоения Сибири, развитие ее производительных сил в наши дни, подъем творческой инициативы и созидательной энергии советских людей в период развернутого строительства коммунизма...

Даровитый художник слова, писатель-коммунист, разрабатывающий актуальные проблемы современности, Вы свою творческую работу неразрывно связываете с повседневной общественной и государственной деятельностью, отдавая много сил и энергии участию в руководящих творческих и партийных органах писательской организации, являясь секретарем правления Союза писателей СССР, членом правления Союза писателей Российской Федерации и Московского отделения Союза писателей РСФСР, членом редакционной коллегии «Литературной газеты»..

Приветствие заканчивается пожеланиями юбиляру здоровья, счастья, неиссякающего вдохновения и новых больших творческих успехов.

НАШ ДРУГ ПО ОРУЖИЮ

Быстро же летит время, не ждет, покуда писатель закончит роман или поэму, и даже для небольшого рассказа не делает скидки, отсчитывает часы, дни, недели, годы...

Нужно успевать за ним — все время чувствовать его биение, его спорый и скорый шаг, ко всем его свершениям в родной стране нужно быть причастным.

Георгий Марков это успевает.

Многообещающим было его первое крупное выступление в литературе — роман «Строговы». Ожиданий читателя Георгий Марков не обманул и в дальнейшем. Давно ли его «Солдат пехоты» отмеривал километры героических походов на Дальнем Востоке, но вот уже появилась первая книга «Соли земли». Мы ли у нас обещанных в вторых, и третьих книг, но здесь дело верное, — и вот она, вторая книга романа. А слышно, уже еще один роман задуман Георгием Марковым.

«Соль земли» увидела свет и в журнале, и в «Роман-газете», и большим тиражом издана отдельной книгой — а попробуйте, поищите книгу в книжных магазинах!

Как говорят у нас в Сибири, «братовья» Строговы крепко прижились на полках читателей, то и дело вспоминают о них на читательских конференциях. Не забыт и дед Фишка — умница, балагур, жизнелюбец.

Я бы вспомнил и другой образ необыкновенной чистоты и обаяния.

Я говорю об Анне, жене Матвея Строгова, о женщине, которая оставила богатый отцовский дом ради затерянной в лесу неказистой заимки Матвея, которая всем сердцем поняла и приняла бедняцкую правду и гордость неимущего человека.

Она — под стать шолоховской Наталье, но только Наталья эта — не донская, а сибирская, таежная; она и пашет, и «балуется ружьишком», и нелегкую, подчас трагическую судьбу женщины и матери с великим достоинством несет на своих плечах, так что идешь за нею по страницам книги, и каждое ее душевное волнение отзывается в тебе.

Когда говоришь о таком писателе, как Георгий Марков, невольно думаешь и обо всей нашей русской советской литературе, о тех, кто нынче ее создает.

Она представлена «выходцами» с разных концов родной земли; это дончаки и смоляне, кубанцы и волжане, куряне и вятичи, уральцы, сибиряки и дальневосточники, москвичи и ленинградцы — они все, продолжая традиции классиков, приносят свое видение природы, свою собственную заботу о человеке, свой литературный почерк. Но все это становится тем явственнее, чем сильнее звучит в произведении общее советское, коммунистическое.

Вот и у Георгия Маркова почерк тоже вполне определенный, сибирский, кое-где даже кондовый, «чалдонский».

И когда заглянешь к нему, когда разговорышься с ним, ему не надо объяснять, что это за «облаской» или там «строганинка», — он сам, прищурив острый, испытательный «строговский» глаз, поясним тебе, какая травка растет по ряму, а какая — по согре. Но только на этом местном, то ли тонком, то ли сочном колорите разговор не заканчивается, нет: затевается еще обмен мнениями о последних диссертациях, посвященных географами и лесниками природным ресурсам Сибири, Кузнецкому и Черемховскому угольным бассейнам, Братской ГЭС, услышишь совет, с кем тебе следует у тебя же дома, в Сибири, встретиться и потолковать о новостях нашей жизни и литературы.

Это — не просто сибирский «полпред» в Союзе писателей СССР, это еще и представитель огромной советской литературы, любой ее области или союзной республики.

Вот это сочетание местного и всесоюзного, и еще — талант, и еще — энергия, и еще — деловитость, и еще — доброжелательность, — это и есть наш Мокеич, наш друг по литературному оружию.

В день пятидесятилетия крепко-крепко обнимаю тебя, дорогой земляк! От души желаю тебе хорошего здоровья на многие годы!

Верю в успех твоих книг — и тех, что уже написаны и живут широкой жизнью, и тех, что еще в рукописях, в замыслах!

Привет, привет, дорогой!

Сергей ЗАЛЫГИН

СЛОВО НАПИСАННОЕ И СКАЗАННОЕ

Размышления у телевизора

Иракли АНДРОНИКОВ

3.

Когда мы говорим на собрании, в кругу друзей, сослуживцев, мы импровизируем в соответствии с вниманием к нашим словам, в соответствии с обстановкой. Читая лекцию, можем слегка затянуть ее или окончить на несколько минут раньше. Но когда выступаешь по телевидению, тебя видят, можно сказать, «от Урала до Дуная» и даже дальше того, и думаешь, как уложиться минута в минуту, во рту начинает пересыхать, и помочь может только незаметно положенная под язык крупинка обыкновенной соли. И совершенно понятно, почему мы так рвемся произносить написанный текст. И тому же мы слишком уважаем гладкость нами же написанной фразы, чтобы легко от нее отказаться. А кроме того, текст уже читан, одобрен... Лучше не сочинишь. Между тем по самому смыслу дела выступающий должен с телезрителем говорить, а не читать перед ним, даже и наизусть. Если вы говорите с вашим слушателем, вам другое. Такова природа непосредственного общения между людьми. Но об этом речь у нас уже шла.

Недавно я оказался в положении самом жалчайшем. Обращаясь к телезрителям, я сказал, что не собираюсь сегодня выступать перед ними, «а спорь бы кое о чем поговорить». И тут забыл свой точный — написанный — текст. Посмотреть в бумажку — значило провалить выступление. Отхлебываю чай... И люди опытные заметили, что я смотрел не вниз — в бумажку, а заглядывал наверх—под лобную кость в надежде увидеть там знакомый текст... Настаиваю: привычка наша должно воспроизводить заготовленные фразы противоречит самой природе выступлений по телевидению.

Еще об одном условии: человек, привыкший общаться с аудиторией, мучается, видя перед собою только красный глазок телекамеры. Говорить без аудитории, без контакта, воображать аудиторию трудно. Правда, можно было бы посадить в студии несколько человек, подобных тем, что слушают вас выступление у себя дома. И не гляди на эту «микроаудиторию», а лишь ощущай ее присутствие, выступающий будет адресовать ей свои слова. Нет! Не пригласят гостей в студию! Отчего? Из опасения, что кто-нибудь из них кашляет или, не дай бог, засмеется. Другое дело, если бы их показывали на экране. Опять нельзя: тогда это будет уже не студийная передача. Если же аудитория в студии, то считается, что она должна что-то делать, реагировать, участвовать в разговоре. Другими словами, «быть» в передаче. Но нужели так страшно, если кто-нибудь откашляется или подвинет стул, а телезритель не увидит, кто это сделал? Все время мы сталкиваемся с этим стремлением устранить из теле- и радиопередач все, чем сопровождается наша живая речь: пересказал фразу, стукнул рукою по столу, засмеялся — нельзя!. Из магнитной ленты вырезают иной раз такие важные элементы речи, как придыхание.

Отыскались неизвестные записи Владимира Яхонтова, замечательного чтеца. Голос его был записан на диски еще до войны. Диски оказались в состоянии неважном. Перенесли на магнитную ленту — звучание улучшилось. Но подряд стихотворения давать нельзя: одно звучит ярко, другое матово, одно выше, другое ниже. Передачу можно было построить, проложив между отдельными записями другой голос. Поначалу это так и делали. Но при переходе на другой тембр дефекты записей Яхонтова уже не слышны. Пустили передачу в эфир — годится! Хотели включить записи в «золотой фонд» — не прошли. Не то качество записей Яхонтова. Вас можно в «золотой фонд». А Яхонтова нельзя.

Но ведь его нет на свете! И другого Яхонтова нет и не будет! Это все равно, что выбросить рукописи Пушкина из Пушкинского дома на том основании, что они дошли до нас в черновом виде и написаны Пушкиным не на машинке и не с одной стороны листа. Вот день, когда мне было стыдно, что я гожусь в «золотой фонд». Мне было стыдно «годиться»!

Коснусь еще одной стороны дела. Я имею в виду творческий облик нашего радиодиктора. Включите приемник. Наведите на первую программу Москвы. И сколько раз вы мы сразу назовем имя диктора. Мы их знаем и любим. И потому обязаны им сказать, что в их речевой манере все больше и больше начинает ощущаться неизжитое сходство. Основная причина все та же, о которой мы уже говорили,—одобряют конструкции письменных фраз. И отсюда — неизбежное ограничение интонационного богатства живой разговорной речи. Но, к сожалению, утверждается, я бы сказал, и некий «эталон тембра». Высокий — тенорный — голос диктора Э. Э. Бивиана прежде воспринимался как один из голосов Московского радио, ныне — как исключение. Утверждается «эталон манеры». А это происходит потому, кажется мне, что все дикторы выполняют в общем одинаковую работу — читают материалы. Нет дикторских «эмплуа». Но вот скажем, документы государственной важности каждый раз читает один — Юрий Левитан, выдающийся диктор. И самый тембр его голоса, артикуляция, манера произносить фразу, интонационная окраска каждого слова уже предвещают значительность экстренного сообщения. У каждого должно быть свое.

Задачи, стоящие перед диктором телевидения, еще сложнее и обширнее тех, что решают дикторы радио. Прежде всего заметим, что, обсуждая качества диктора телевидения, мы часто имеем в виду разные стороны его работы и поэтому в споре не всегда можем друг друга понять. Объясняется это тем, что диктор выполняет на телевидении целый ворох обязанностей: сегодня ведет программу, завтра читает сложный докладный текст, комментирует телесенсацию, читает последние известия, объявления, рекомендует зрителю выступающего агронома, лектора, инженера. И ясно, что один великолепно читает сообщения ТАСС и хуже ведет конферанс, другой особенно хорошо справляется с докладовым текстом. Третий рожден, чтобы беседовать с детьми. И уж совсем особое дело — принимать в студии гостей Центрального телевидения, просто, непринужденно вести с ними беседу, определив стиль и характер разговора. Можно ли это входить в обязанности каждого диктора? Можно ли требовать от него универсальных качеств актера и собеседника?

Мне пришлось недавно присутствовать на конкурсе дикторов, объявленном Центральным телевидением. В студию входили и по очереди садились за столик молодые люди и девушки. К ним обращались с вопросом, что они выучили. Каждый читал кусочек прозы, басню или стихи — по своему выбору. Потом несколько строк из сообщения ТАСС или телевизионное объявление. Их просили встать, оценивали рост и фигуру. Обсуждали их внешность, прическу. А когда спрашивали, что привело их на конкурс, выяснялось, что говорят они несвободно, невыразительно.

Мне думается, самый подход к выяснению дикторских данных должен быть совершенно другим. Подавших заявление на конкурс надо сперва приглашать для беседы. И не экзаменовать их, а поговорить по душам: на экзамене любой человек не говорит, а подыскивает слова. А уж потом, в другой раз, направлять на них свет, класть на лицо «тон» и смотреть, как они выглядят на телеэкране. Между тем их экзаменовали так, словно они собирались поступать в театральные училища имени Щепкина или имени Щукина. А как знать, может быть, этому сценическое никогда не пришлось бы читать с телеэкрана ни прозу, ни басни, но зато говорить, обращаясь к зрителю, или разговаривать в студии для телезрителя — это дело его, прямое и кровное.

Результаты конкурса не удовлетворили комиссию, хотя среди претендентов были люди с несомненным актерским данным. Но дикторами они стать не могли. Диктор представляет на экране не себя самого, а советское телевидение. Он должен быть свободным в разговоре, в манерах своих, непринужденным, интеллектуальным—он говорит от имени всей страны и на всю страну. Диана Кондратьевна Вишнева (Лебедева—диктор Центрального телевидения, которые первыми вышли на телеэкран: они обаятельны, свободны в манерах, у них интеллигентная речь в самом настоящем смысле этого слова. Это с самого начала обеспечило успех, их популярность у телезрителей. Они умеют общаться с телевизионной аудиторией, умеют создать атмосферу непринужденной беседы. Как хорошо — по-праздничному — вела Н. Кондратьева концерт вечером того дня, когда страна чествовала Юрия Гагарина! Как широко использует свои способности В. Лебедева, как она находчива, самостоятельна в кадре! Это уже не дикторы — это хозяйки студии. Они не объявляют гостей—они принимают их. Этими качествами обладала покойная Ольга Чепурова. Есть и другие дикторы, отвечающие этим критериям. Но подбор новых часто ведется по принципу внешних, а не внутренних данных. А нам — зрителям, слушателям—не нужны двойники и дублеры. Нужны индивидуальности — новые, разные, непохожие. И мы снова приходим к мысли о необходимости расширять «амплуа» — на этот раз дикторов телевидения. Почему мы признаем амплуа в театре? На эстраде? В литературе, в искусствах изобразительных? Автор скетча не пишет обычно трагедий. Карикатурист редко выступает в жанре батальном. Разве нельзя представить себе на экране в качестве диктора артиста Алексея Консовского? Разве не могли бы вести с экрана беседу Игорь Ильинский, Сергей Бондарчук, Дмитрий Журавлев? Или Александр Михайлов из МХАТа, Татьяна Самойлова или Ариадна Шенгелая, сыгравшая Татьяну в кинофильме «Евгений Онегин»? Почему мы не можем представить себе Яронна в роли диктора? Он великолепно ведет передачи, беседует живо, непринужденно, талантливо. Я и сам понимаю, что у них другая профессия, которую они любят больше всего на свете и не собираются менять на профессию диктора. Понимаю, что это мечты. Но разве нельзя подумать о том, что люди разных индивидуальностей, разных характеров, разных манер пришли бы на наш телевизионный экран?!

Думается, что ограниченные возрастных и внешних качеств дикторов определяет в известной степени критерий «телевизионной приемлемости» и в глазах зрителя. Все отклоняющееся от этой ежедневно утверждаемой нормы начинает казаться ему неприемлемым. Он начинает обсуждать внешность, черты лица, прическу, поведение, манеры применительно к практике телевидения: обращает внимание на то, что прошло бы для него незамеченным, скажем, в кинохронике или в документальном кино. Если мы хотим привлечь на экран тысячи советских людей, которые будут делиться с нами своими впечатлениями и своим опытом, надо расширять семью дикторов, подбирая их, как в театральную группу, в которой есть исполнители на самые разные роли.

Но вернемся к вопросу о репортаже. Показывать ли на экране телевизионного журналиста? Такой вопрос возникал на Всесоюзном совещании по теле- и радиорепортажу и как-то не получил окончательного решения.

Конечно, показывать. Если только он умеет говорить и умеет держаться. Однажды кинорежиссер Сергей Юткевич принимал в студии Центрального телевидения французскую киноактрису Симону Синьоре. Он выступал как ее собеседник, ее переводчик, ее комментатор и как наш собеседник,—сидевших по ее просьбе рядом с нею. Он обращал к нас с гостьей, говорил с нами о ней, а с нею — о нас. Он сумел познакомить нас. И делал все это с такой простотой и непринужденностью, словно принимал нас и ее у себя дома. При всем этом он оставался режиссером Сергеем Юткевичем, который разговаривал с актрисой Синьоре, — это был разговор естественный и профессиональный. Такое выступление может служить образцом беседы по телевидению.

Есть и другие отличные собеседники — Евгений Рябчиков, который ведет себя в студии по-хозяйски, говорит свободно, непринужденно, находчиво. Или Юрий Фокин. Он беседует уверенно, обстоятельно, живо! Когда выступают Фокин и Рябчиков, мы видим людей, умеющих говорить с той непринужденностью, с тем спокойствием, словно перед ними нет никакой телекамеры. Это драгоценное свойство, без которого телерепортаж невозможен. А как порадовал всех репортаж Юрия Гальцева, который он вел в незабываемый день 14 апреля с Внуковского аэродрома!

В своем разговоре и поведении мы небезразличны к телевизионной камере, к микрофону. Особенно, если нас передают или записывают неожиданно.

Однажды замечательный советский писатель в узком кругу драматургов говорил о последних премьерах сезона. Сидели одни мужчины, было жарко, стояли бутылки с нарзаном и лимонадом, писатели сняли пиджаки. Оратор стал говорить в совершенно домашней манере, дескать, все, что мы слышали здесь, — чепуха, разговор несерьезный. Если мы уважаем нашего зрителя, то драматурга, который заставил его скучать, надо давить. В это время вошел литератор с пониженным слухом и, желая узнать, кого именно надо давить и за что, приставил свой слуховой аппарат ко рту говорящего. Тот сконфузился, но, не в силах возникший перед ним микрофон и голосом, какой обычно звучит на многолюдных собраниях, крикнул: «Товарищи! Перед нашей драматургией стоят ответственные задачи...» Так появившийся микрофон мгновенно перестроил всю его речевую структуру. Был и со мной один случай. Попал я на всероссийский слет юных туристов. Отряды сошлись из разных республик и областей. Знакомились, обменивались опытом и коллекциями, ходили друг к другу в гости. И я ходил. И рассказывал. Однажды ко мне — детская редакция Всесоюзного радио установила передо мной микрофон. Я говорю-говорю, а все-таки скашиваюсь в сторону микрофона, приспосабливаю речь ко всесоюзной аудитории. Вдруг репортер сказал мне: «А вы зря на него смотрите. У нас давно уже кончилась пленка». Тут обрел я свободу необычайную. И такое выкорячивал, что второй раз не получится... Иду в поезде через несколько дней — слышу свой голос. Батюшки! Вот тебе и кончилась лента! Но, правду сказать, естественность речи меня удивила. Никогда, помня о микрофоне, не говорил бы и с такой беззаботной непринужденностью.

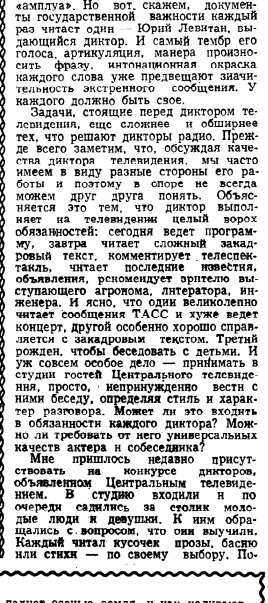
Вправе ли репортер записывать выступление, не спрашивая вас? По-моему, вправе. Не возражаем же мы, когда фотограф щелкает своим затвором в момент, когда мы меньше всего этого ожидаем. Другой вопрос, что такую запись автор должен визировать. Находка фотографа в том, что он схватил характерный момент. Может ли он поймать характерное, если говорящий позирует? Так же должен подходить к делу и журналист, работающий на радио и на телевидении: вести репортаж, когда его собеседник не помнит о микрофоне. Надо узаконить это в практике нашей работы. И к этому скоро привыкнут.

В последние годы жизни К. С. Станиславский говорил, что актер, репетирующий пьесу, до последнего дня не должен знать, какая из четырех стен комнаты откроется и с какой стороны будет зрительный зал. Чтобы мизансцена не выстраивалась «лицом к залу», чтобы актер жил своей самостоятельной жизнью, не примериваясь к будущей реакции зрителя. Так же, мне думается, нужно готовить и репортеров для нашего дела. Чтобы, обучаясь, они не знали на репетиции, включен или выключен микрофон, работает ли в эту минуту телевизионная камера.

Чтобы научиться говорить перед телекамерой, не видя аудитории, — а это дело нелегкое, — надо научить выступающего представлять себе живую аудиторию. А это возможно только в том случае, если он привык выступать перед ней. А когда он научится говорить с теми, кто сидит перед ним, ему легче будет представить себе те миллионы, которые, собравшись у себя дома за чаем, смотрят на него, высоко оценивая его умение общаться и говорить с ними — со множеством «микроаудиторий».

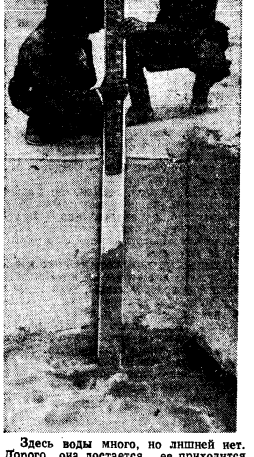
Окончание. Начало см. «Литературную газету» от 18 апреля.

КРАЙ ХЛОПКОВОЙ ЦЕЛИНЫ



Постоянным рабочим совхоза на себе помогают молодые специалисты. Виктор Федоренко (на снимке — справа) **учится на пятом курсе Ашхабадского сельскохозяйственного института, а здесь проходит практику. Впрочем, на поле студента не отличишь от кадрового рабочего. Вместе с руководителем тракторной бригады Мередом Курбансахатовым Виктор проверяет качество и калибровку семян.**

КРАЙ ХЛОПКОВОЙ ЦЕЛИНЫ



Здесь воды много, но лишней нет. Дорого она достается, ее приходится беречь. Старик Ораз Меле знает цену воде—не зря служба эксплуатации канала поставила его регулировщиком на важном гидросооружении. Гидротехник совхоза Атабеды Курбанов, разумеется, не прочь получить и лишнюю кубометр воды в свой магистральный канал, но он получит сколько положено — ни капли больше.

Текст А. Аборского.
Фото А. Князева

хлеборобы, одурманенного угаром перетыкорвущий, который все-таки нашел в себе силы порвать с черным, антинародным делом.

Любовь к жизни, к человеку труда, ко всему хорошему и светлому на земле пронизывает всю ткань стельмаховских романов. Отсюда и живописное описание даров природы, и тонкое изображение психологии героев — сынов и дочерей народа. Писатель подчеркивает, что человек, обуреваемый страстью наживы, не может, подобно Тимофию Горицвиту или Свириду Мирошниченко, питать в сердце любовь к людям, мечтать о счастье не только для себя.

А. Фадееву принадлежит замечательное определение самой сути нашего гуманизма: «Старый гуманизм говорил: «мне все равно, чем ты занимался, — мне важно, что ты человек». Социалистический гуманизм говорит: «если ты ничем не занимаешься и ничего не делаешь, я не признаю в тебе человека, как бы ты ни был умен и добр».

Речь идет о деянии во имя блага людей, во имя общества. Речь идет о борьбе с уродством старого мира для счастья человека. И когда писателю удается правдиво показать эту борьбу, изобразить, как формируются лучшие качества человека — бойца за благо народное, — тогда он и достигает подлинной идейно-художественной победы.

Гуманизм М. Стельмаха отнюдь не пассивен. Позиция писателя ясна и определенна. В романах зримо изображена та сила, что противостоит народу, что способна принести ему только беды и страдания.

Люто ненавидит крестьян помещик Стадницкий — для него все они «скоты», «быдло». Это— закоренелый, наглый и жестокий реакционер. Иного склада помещик Варава. Этот не прочь прослыть в округе за крестьянского заступника: он даже готов выпить чарку-другую с «меньшим братом», потолковать в своей горнице, украшенной портретом Мазепы, о «казацких» традициях и «единых для всех украинцев» интересах. Но автор очень тонко, убедительно показывает, что этот «народный заступник» по существу ничем не отличается от зубра старого образца — пана Стадницкого. Ему глубоко чужды интересы крестьян. Просто его ухо чутко славит приближающиеся раскаты революционного грома, и он не прочь выплыть на поверхность и заявить себя «народолюбцем». Нетрудно представить его дальнейшую судьбу, как и судьбу кулака Терентия Плачинды. Такого сорта люди и были ядром «желтоблакитных» банд, становились на черную, антинародную дорогу, когда грянул революционный гром.

Разоблачая буржуазный национализм, прослеживая внутреннюю логику морального падения людей, вставших на путь, враждебный народу, М. Стельмах дает четкий психологический рисунок каждого отрицательного персонажа, не допуская при этом однолинейности, шаржа, упрощенности.

Внутреннее содержание романа, своеобразие писательского почерка, особый подход к материалу подчинены главному — изображению нравственного богатства человека труда, поднятого Коммунистической партией к историческому творчеству.

Когда мы читаем книги М. Стельмаха и вдумываемся в смысл его лирических отступлений, когда мы познаем его писательскую манеру создавать характеры, напряженные сюжетные ситуации, мы находим в нем способное поэма художника. И вместе с тем мы явственно ощущаем и то, что роднит книги украинского писателя с лучшими книгами большой, многообразной и единой советской литературы.

В критике не раз уже писалось о поэтической стихии романов Михаила Стельмаха, о их своеобразных лирических отступлениях. И характерно именно то, что лирическое начало сочетается у писателя с психологически насыщенными, драматическими, а то и трагическими картинами. Да и сами лирические картины никогда не служат просто иллюстрацией. Это не украшения, не блестки, радующие глаз, это то, что помогает читателю почувствовать время и человека.

«Ветряки с детских лет нравились Христине. Какая-то необыкновенная и таинственная прелесть была в очертаниях этих деревянных птиц, глухих взмахах крыльев, под которыми рождался и клубился ветер. Темные, как осенние пахари, они трудились с утра до поздней ночи, исторгая из своих каменных рук теплые струйки душистой муки. На этих дрожащих струйках держалась крестьянская жизнь, и если ветряки махали крыльями от Петра до ноши, в селе и песни пелись веселей. Если же потрепанные крылья понуро обвисали и в дубовых стобках-«королях» надолго утихала дрожь, село расползалось куда глаза глядят, в те края, где бесхлебье не покарало землю и людей».

Этот отрывок из романа «Хлеб и соль» привлекает не только умением писателя видеть поэтическое в обыденном или удивительными сравнениями — крылья мельницы и осенние пахари, почерневшие от тяжкого труда. И не только изображением того, как постигает Христина окружающий мир, хотя и это весьма важно. Главное в такой картине — умение передать само существо жизни в ту пору.

«Ночь пахнет сыроватой дорожной пылью, созревшими садами, терпкой конопелькой. Изредка закричит журавлиная журавль или хлопнется наземь возле покосившегося тына влажное от росы яблоко, прольется шипучим соком на траву—и снова тишина, как в добром сне, и снова широколистые подсолнухи, словно матери, протягивают на восток отяжеленные руки, на которых покоятся головки маленьких, погруженных в сладкую дрему подсолнушков».

Это описание тревожной ночи из романа «Кровь людская — не водица» необходимо не только для того, чтобы ввести читателя в атмосферу жизни украинского села. Оно создает нужный художнику контраст. Ночная тишь, щедрые плоды земли, и здесь же — в эту поэтическую ночь — люди готовятся к жестокому, кровавую схватку за эту щедрую землю, за ее плоды. Писатель знает и сельский труд, и как пахнет осенью земля, и как наливаются соком жизни хлебные колосья. Он своими глазами видел жестокое столкновение старого и нового, участвовал в классовых битвах в период коллективизации, в сражениях минувшей войны, и это не могло не отразиться на его творчестве.

О романах Михаила Стельмаха написано уже немало. Появятся, конечно, и новые работы, прослеживающие своеобразие книг украинского писателя. Это умные, честные книги о пути, пройденном нашим народом. И путь нелегком, но единственно верном пути, проложенном ленинской партией, что привел негрраментого, задавленного нуждой труженника к свету и счастью, путь, что вывел сына, внука и правнука этого труженника к невиданным высотам человеческого деяния, позволил ему своими руками создать самый справедливый и гуманный строй на земле, свершить исторические подвиги во имя человечества, и среди них тот подвиг, что потряс недавно весь мир,— покорение космоса.

НЕДЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ РСФСР В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

ДРУЖЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Большой зал республиканской Академии наук, где состоялось открытие недели, переполнен. На президиуме — писатели Российской Федерации пришли нефтяники, рабочие, деятели науки и культуры, студенты. Секретарь ЦК Компартии Азербайджана Н. Гадимов от имени трудящихся республики тепло приветствует дорогих гостей. Горячие аплодисменты сопровождают выступления А. Смирдова, Л. Татьянчевой, С. Орлова, Кайсына Кулиева, Е. Долматовского, Мустая Карима, А. Тимонова, С. Васильева, Р. Рождественского, азербайджанских поэтов Сулеймана Рустама и Мирзаги Дильбази.

Интересна была встреча российских литераторов с учеными Азербайджана, в ходе которой прочли доклады Н. Дурдинджи, М. Нашкай, М. Далин, А. Караев и другие видные представители советской науки. Ученые рассказали гостям о важнейших проблемах, над которыми они работают, познакомили их с структурой Академии наук Азербайджана, ответили на многочисленные вопросы.

Перед азербайджанскими телезрителями выступили Е. Долматовский и Р. Рождественский, поэты Т. Зюбов и Г. Гусейн-заде прочли свои переводы на азербайджанский язык. Выдающийся поэт Российской Федерации, Драматург А. Штейн смотрел свою пьесу «Оваян» в постановке местного русского драматического театра, встретился с участниками спектакля. Гости побывали в редакции республиканского журнала «Азербайджан гадыны» («Женщина Азербайджана»).

Сейчас, когда пишутся эти строки, в Баку нет ни одного участника недели: они разъехались в разные концы республики. Одни поехали в крупный промышленный город Кировабад и Нахичеванскую Автономную, другие — к прославленным садоводам, третьи отправились в южные субтропические районы. В поездках по республике гостей сопровождают Мехти Гусейн, Расул Рза, Сулейман Рустам, Мамед Рагим и другие видные азербайджанские литераторы.

Ю. ЛАВЕЦКИЙ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

БАКУ

ВСЯ СТРАНА ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ АГРЕССИИ. Вчера днем в Москве, в Центральном Доме литераторов, состоялся митинг протеста московских писателей. В единодушно принятой резолюции сказано:

«...Мы настоятельно требуем прекратить интервенцию на Кубу! За каждого гражданина независимой Кубы, убитого оружием, сделанным в США, при содействии кораблей и самолетов США, империалисты Америки ответят на форуме народов!»

В редакцию поступают гневные телеграммы, письма, телефонограммы.

Группа советских писателей — С. АНТОНОВ, В. КАТАЕВ, П. НИЛИН, Г. НИКОЛАЕВА, В. ПАНОВА, Б. ПОЛЕВОЙ, А. СУРКОВ, К. СИМОНОВ, К. ФЕДИН — обратилась со следующей телеграммой в Авторскую лигу США (Нью-Йорк): «Призываем писателей Америки осудить интервенцию, начавшуюся против Кубы, как серьезную угрозу всеобщему миру, сделать все от вас зависящее для предотвращения бедствий, грозящих человечеству».

НЬЮ-ЙОРК, АМЕРИКАНСКОМУ КОМИТЕТУ ЗА РАЗУМНУЮ ЯДЕРНУЮ ПОЛИТИКУ

Мозли, Казенсу

Свободолюбивая Куба подверглась неспровоцированному вооруженному нападению. Советская общественность вместе со всей мировой общественностью выражает свое негодование по поводу этой акции агрессивных сил, являющейся серьезной угрозой делу мира. Теперь всем очевидно, что вооруженная интервенция против Кубы организована и направляется определенными агрессивными кругами США и они несут полную ответственность за последствия этой агрессии.

В этот серьезный час для судеб мира мы призываем вас, как и все организации США, выступающие за мир, всех людей доброй воли вашей страны сделать все, чтобы немедленно прекратить агрессию против Кубинской Республики. Мы глубоко верим, что народ США, кровно заинтересованный в сохранении и упрочении мира, заставит правящие круги США отказаться от планов развязывания войны против свободолюбивого кубинского народа.

Мы надеемся, что Комитет за разумную ядерную политику, действия которого в защите мира, против угрозы ядерной войны общеизвестны, со своей стороны предпримет все необходимые меры, чтобы добиться немедленного пресечения агрессивных действий против кубинского народа.

От имени советской общественности Николай ТИХОНОВ — писатель; Михаил ШОЛОХОВ — писатель; Александр КОРНЕЙЧУК — драматург; Александр НЕСМЕЯНОВ — президент Академии наук СССР; Дмитрий ШОСТАКОВИЧ — композитор; Сергей КОНЕНКОВ — народный художник СССР; Николай СЕМЕНОВ — академик, лауреат Нобелевской премии; Митрополит ПИТИРИМ; Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ — писательница; Нина ПОПОВА — председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами; Борис ПОЛЕВОЙ — писатель; Арам ХАЧАТУРЯН — композитор; Михаил КОТОВ — писатель; Алексей МАРЕСЬЕВ — Герой Советского Союза; Надежда НАДЕЖДИНА — руководитель ансамбля «Березка»; Сергей ЮТКЕВИЧ — кинорежиссер

Кому опасна свободная Куба?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Кубу посещали писатели, деятели искусств буржуазных стран. Там побывали Жан Поль Сартр и Симона Бовуар. Они с восторгом говорили и писали о своих впечатлениях. Известный американский композитор Гейт Мидс написал книгу «Прислушайся, янки!», в которой решительно осуждал официальную политику США по отношению к новой Кубе.

Почему же бомбардировщики американского производства поливают огнем города Кубы? Почему кардоновские подонки выскакивают на кубинской земле?

Только потому, что, свергнув Батисту, кубинцы покончили с грабежом и эксплуатацией своей родины иностранными монополиями. Только потому, что эти монополии хотят вернуть себе право грабить Кубу. Только потому, что «свободный американский мир» боится, как бы народы Латинской Америки не обрели, по примеру Кубы, подлинной свободы!

Империалисты США — вот кто стоит за спиной мятежников! Я уверен, что план США — элементарно прост и является старым вариантом, так сказать, классической, «хрестоматийной» тактики империализма. Мятежники, если бы им удалось закрепиться на каком-либо клочке кубинской земли, немедленно объявят о наличии на нем нового кубинского «правительства». С завидной торопливостью его признают США, в мгновение ока подпишут с ним всевозможные договоры, и прежде всего, конечно, договор о «помощи»... А затем можно будет начать уже открытую интервенцию, без вуалирующих заявлений президента...

А пока что президент утверждает, что имеют место всего лишь столкновения между кубинцами различных политических взглядов. Но разве Эйзенхауэр, начавший в один из жарких июньских дней 1954 года агрессию против демократического правительства Гватемалы, не уверял весь мир, что речь идет всего лишь о «разногласиях» между гватемальцами?

Американское правительство самым роковым образом заблуждается, если полагает, что человеческая память ведет свое летосчисление только с января 1961 года, то есть с момента вступления в Белый дом «самого молодого президента Соединенных Штатов Америки».

В те часы, когда на улицах Гаваны рвались бомбы, секретарь Белого дома по вопросам печати Пьер Салинджер заявил, как сообщает агентство Рейтер, что положение на Кубе не повлияет на планы президента США: он намерен с борта авианосца «Индепендепс» наблюдать за военно-морскими маневрами в районе Флориды.

Как известно, «индепендепс» означает по-английски «независимость». Но боится ли господин президент, что точки зрения простых граждан кубинцев, убитых из американского оружия только за то, что они отстаивали независимость своей родины?.. И не полагает ли он, что, «повернувшись спиной» к событиям на Кубе, можно заставить мировое общественное мнение отвести взор от этих событий и от Соединенных Штатов Америки?

В США, видимо, забыли, что в наши дни известия распространяются по миру молниеносно, а с недавнего времени человек (между прочим, советский человек) может облететь земной шар менее чем за два часа.

Президенту, наверное, не приходит в голову, что его стратегия и тактика в кубинском вопросе стары, если не как мир, то во всяком случае как империалистическая система, и люди давно научились разгадывать несложные, но кровавые фокусы «свободного мира».

Именно поэтому человечество, пережившее трагедию Испании, Кореи, Гватемалы, Конго, пережившее ни с чем не сравнимые потрясения второй мировой войны, поднимает гневный голос в защиту свободы Кубы.

Как только Политический комитет Организации Объединенных Наций вынес осуждение жалобы кубинского правительства на агрессивные действия США, на площади у здания ООН стали собираться люди. Они пришли, чтобы выразить протест в связи с варварской бомбардировкой кубинских городов и начавшейся интервенцией. Более трехсот участников демонстрации несли плакаты с надписями: «Руки прочь от Кубы!», «Остановить интервенцию». «Американский народ против интервенции, организованной Центральным разведывательным управлением США». На одном плакате перечислялись все акты агрессии, совершенные Соединенными Штатами начиная с восемнадцатого века.

Народы мира клеймят американскую агрессию. Решительно осуждает ее народ ОАР, ассоциирующий слово «Куба» со словом «Суэц». Парижане осадили американское посольство, скандируя: «США — агрессоры!» и «Солидарность с Кубой!». Тысячи студентов университетского городка в Мехико собрались на митинг в защиту Кубы и закончили его пением кубинского гимна. С лозунгами «Руки прочь от Кубы!» и «Мы — на стороне Кубы!» идут мимо здания американского посольства толпы токийских студентов. Протестуют народы Германской Демократической Республики, Монголии... «Руки прочь от Кубы!» — требует прогрессивная австрийская общественность. Даже консервативная лондонская «Таймс» писала 18 апреля, осуждая действия США: «Сочувствие и предварительная поддержка — это одно, а активная помощь контрреволюции в любом виде — это совсем другое, и она может быть крайне опасной. Соединенные Штаты могут оттолкнуть от себя другие страны Латинской Америки».

Тысячи москвичей демонстрировали позавчера перед зданиями посольств Кубинской Республики и США. В первом случае демонстрантами руководили чувства братской дружбы и почувствия. Во втором — негодование и возмущение.

Устами товарища Н. С. Хрущева советские люди сказали всем, кому дано и кому надлежит слышать:

«Что касается Советского Союза, то не должно быть заблуждения насчет нашей позиции: мы окажем кубинскому народу и его правительству всю необходимую помощь в отражении вооруженного нападения на Кубу».

И еще:

«Мы искренне заинтересованы в смягчении международной напряженности. Но если другие пойдут на обострение, то мы ответим им полной мерою».

Внимание всего мира приковано к событиям на Кубе. Кубинский народ дает героический отпор контрреволюционерам.

Один из буржуазных философов-пессимистов некогда утверждал, что до сих пор еще ни одно поколение не извлекало уроков из ошибок предыдущего.

Вдохновители кубинской контрреволюции, по-видимому, считают, что преступления против народов, сходившие им с рук в прошлом, когда народы еще не ощутили свою силу, могут безнаказанно повториться и сегодня.

Но это ошибка, роковая ошибка. То, что было «только вчера», не может повториться сегодня.

«Родина или смерть!» — говорят солдаты Фиделя Кастро. «Родина или смерть!» — отвечает им весь кубинский народ.

Такими словами не шутят. Пусть это помнят агрессоры.

ДУШИТЕЛИ ДЕМОКРАТИИ БЕЗ МАСКИ

И ЭТО г-н СТИВЕНСОН НАЗЫВАЕТ: «АМЕРИКАНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ НИКОГДА НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ИНТЕРВЕНТОВ ПРОТИВ КУБЫ»!..

В тайных лагерях Флориды

«В ПОТАЙНЫХ лагерях южнее Майами небольшие группы молодых людей... тренируются с винтовками и пулеметами на протяжении нескольких недель, а затем по двое и по трое пробираются тайком на Кубу, чтобы присоединиться к партизанским отрядам, сражающимся в горах. Невинного вида рыбачьи суда плывут вниз по реке Майами, перебрасывая оружие, динамит и хорошо обученных диверсантов через девяносто миль пролива, отделяющего оконечность Флориды от кубинского побережья. Самолеты, базирующиеся на потайных аэродромах, существование которых во Флориде упорно отрицается иммиграционными властями, сбрасывают оружие, боеприпасы, лекарства и продовольствие антикастровским отрядам, скрывающимся в горах Эскамбрай... Около 2500 молодых кубинцев, в том числе семьдесят квалифицированных летчиков, отправились из Флориды в конспиративные лагеря, находящиеся в Центральной Америке и на островах Карибского моря, чтобы подготовиться к воздушному, наземному и морскому вторжению... Внутри Кубы подпольщики, руководимые из Майами, организуют побеги на тюрем и перепрыгивают важных политических заключенных мимо морских патрулей Фиделя в безопасное пристанище в Соединенных Штатах... С островов Суон Айлэндз (неподалеку от побережья Гондураса), где находится метеорологическая станция США, эмигрантское радио каждую ночь передает на Кубу программу, насыщенную антикастровской пропагандой».

Приведенные выше строчки принадлежат Гарольду Мартину, корреспонденту американского еженедельника «Сатердей ивнинг пост». 8 апреля 1961 года он опубликовал на страницах этого журнала статью под названием «Сердитые изгнанники во Флориде». Гарольд Мартин выболтал немало сведений о подготовке вооруженного вторжения на Кубу.

Государственный департамент США был крайне озабочен тем, чтобы любой ценой замаскировать агрессию, «облагородить» ее мотивы. «Как мы можем помочь свободолюбивым кубинцам свергнуть правительство Фиделя Кастро, не представ перед всем миром в роли «империалистических агрессоров», в чем нас обвиняет Кастро?»,— вопрошает Гарольд Мартин.

С грустью констатируя, что Соединенным Штатам придется действовать на глазах у «миллионов людей, не доверяющих нашим мотивам», он предлагает простой выход из положения: «убедить не только каждого кубинца, но и каждого латиноамериканца, что «мы сражаемся не против революции и ее идеалов, а против Кастро и коммунистов, предавших эти идеалы».

Вот в чем, оказывается, дело! Американские империалисты решили вступиться за идеалы кубинской революции! А что для этого